Дайны

ОГИЗ
ГОСЛИТИЗДАТ

1944

Пров. 1969

8 еф
Д 148

Д А Й Н Ы

ЛИТОВСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Подготовил Ю. Жюгжда

Перевела С. Мар

22389
БИБЛИОТЕКА
ДЕ[illegible]ИЗА

ОГИЗ
Государственное издательство
художественной литературы
МОСКВА 1944

681678 кх. Ред-оц

Российская государственная
детская библиотека

1967-[illegible]

64765

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Дома детской книги
ДЕТГИЗА

НЕМЕЦ-ЗАХВАТЧИК В ЛИТОВСКИХ ДАЙНАХ

Солнышко с востока выплыло с зарею,
Находили тучи с запада грядою.

Литовская народная песня

Не впервые подвергается Литва разбойничьему нападению немецких захватчиков. Борьба литовского народа с немецкими хищниками имеет свою героическую историю. Начало ее относится к XIII веку, когда полчища закованных в латы крестоносцев и меченосцев впервые обрушились на литовские земли. Крестоносцы стремились колонизировать западные литовские области, а меченосцы направили свои удары против великого княжества Литовского.

Пятьдесят три года отстаивали западные литовцы свою честь и независимость, нанося жестокие удары крестоносцам, но к 1283 году немецкие псы-рыцари все же поработили западные литовские области (Малая Литва). Немецкие феодалы завладели землей, а местных жителей превратили в крепостных. Грубый произвол немецких властителей, насильственное онемечивание, жестокие расправы над населением привели к тому, что

литовское племя пруссов было совершенно уничтожено, и в Малой Литве к XX веку осталась лишь незначительная часть литовцев.

Поработив западные литовские племена, немецкие рыцари обратили свое оружие против великого княжества Литовского. Около двухсот лет длилась борьба литовцев с немецкими захватчиками. Литовский народ самоотверженно защищал свою свободу и независимость. Не раз литовцы били немцев, пока, наконец, совместно с русскими, украинцами и белоруссами не нанесли им сокрушительный удар под Грюнвальдом. 15 июля 1410 года тевтонские псы-рыцари были разгромлены, и Литва надолго избавилась от разбойничьих набегов немецких хищников.

Прошли столетия. В 1915—1918 годах немецкие империалисты оккупировали Литву. Литовскому народу пришлось пережить ужасы немецкой оккупации.

Произвол и насилие, наглый грабеж, уничтожение национальной культуры, насильственное онемечивание, рабство и смерть — вот что принесли литовскому народу немецкие захватчики. И неудивительно, что в сознании литовского народа всегда жила неугасимая ненависть к немецким поработителям. Эта ненависть нашла яркое отображение в народном творчестве: в песнях, в преданиях, в сказках и пословицах.

Настоящий сборник литовских народных песен — дайн это только маленькая частица богатейшей сокровищницы народного творчества.

Песни борьбы, в которых слышны мотивы печали и голос мужества, в то же время глубоко лиричны. Среди них почти не встречается песен эпического характера, хотя этого рода песен о славных битвах литовцев с немецкими захватчиками несомненно было не мало.

В народной памяти жива слава сражений при Сауле (1236), Дурбе (1260), Велюона (1341), Стрева (1348), Рудава (1370), Грюнвальде (1410), в которых литовский народ нанес сокрушительные удары кресто-

носцам и меченосцам и вписал героические страницы в свою историю.

Из литовских преданий и других источников (в том числе и немецких) мы знаем, что в период борьбы с крестоносцами и меченосцами у литовцев были свои певцы-вайдилы. Эти певцы воспевали битвы и подвиги литовских воинов и князей. Почему эти песни не дошли до наших дней?

Начиная с XV и вплоть до первой половины XVIII века в Литве подвергались преследованию и уничтожались произведения народного творчества, в которых нашли отражение древние мифы и языческие верования с их поклонением природе. Это можно проследить и на литовском изобразительном искусстве той эпохи, оригинальность стиля которого и теперь поражает исследователей. Именно по этой причине, надо полагать, не сохранились и не дошли до нас эпические песни о былых схватках литовцев с немцами, песни, несомненно насыщенные элементами литовской языческой мифологии.

Литовские дайны, посвященные столкновениям литовцев с немцами, тематически представляют собой несколько циклов.

Прежде всего это песни о набегах меченосцев и крестоносцев на Литву и борьбе с ними.

«Бородатые злодеи из-за моря» ворвались в страну. опустошили ее. Девушка горюет, растоптан садик, помята рута, стерты росинки. Литовские воины полны решимости защищать родину от немецких злодеев. Девушка благословляет возлюбленного на бранный подвиг или выражает печаль о павших на поле битвы. Таковы наиболее частые мотивы дайн, выраженные в глубоко лирических тонах.

Хороводная сатирическая песня «Прыгал чорт проклятый» выражает ненависть к захватчикам в характерной для литовского народного творчества сатирической форме. «Немец-чорт», немец — «злюка-гадюка», «хищ-

ный коршун», — у литовцев нет иных эпитетов для немца.

Обычным явлением во время набегов крестоносцев и меченосцев был увод литовских женщин и детей в неволю, подобно тому как немецкие фашистские насильники угоняют теперь литовцев и население других временно оккупированных советских республик на немецкую каторгу. Песня «То не кукушка» ярко изображает безнадежное положение литовской девушки в немецкой неволе, где «замки высоки, стены суровы, медь на воротах, медные скрепы, вместо привета — злобная ругань, вместо подарка — тяжкие цепи».

Особый раздел составляют бытовые песни о горестной жизни литовцев Малой Литвы под игом немецких помещиков и бюргеров.

Шесть столетий страдали западные литовцы, изведали много горя, пролили немало слез. И это нашло свое отражение в дайнах, записанных в начале XIX века. Отметим среди них характерную песню о насильственном рекрутском наборе литовцев Малой Литвы в немецкие войска, об их бесправном положении и гибели от произвола немецкой военщины. Эти песни записаны в Малой Литве, «извечную немецкость» которой гитлеровские фальсификаторы истории теперь тщетно пытаются доказать, зачеркивая на географических картах литовские названия и грубо заменяя их немецкими.

Песни, относящиеся к немецкой оккупации 1915—1918 годов,—«Девушка у жернова», «Рекруты», «Непрошенные гости», «Ой ты, Литва!», «Плачет Литва», «Братья-литовцы», «Ты, Литва родная»,—проникнуты яростной ненавистью литовского народа к кайзеровским оккупантам, к «пруссакам-злодеям». В них говорится о борьбе литовцев против захватчиков, в них звучит вера в силу русского народа. «Русское войско путь преградило, поле для немцев стало могилой»—поется в одной из песен. И это чувство удовлетворения, вызван-

ное победой русского войска, тем сильнее, что в рядах русских войск против немецких захватчиков, верные своей исторической традиции, сражались и сыны литовского народа.

Ненависть литовского народа к немецким захватчикам нашла своеобразное выражение в песне-мольбе, обращенной к солнышку-матушке: «С нами будь, с нами!»

Посылайте, ветры, на Пруссию тучи!
Проливайтесь, тучи, дождиком могучим!
Непогода нам постыла,
Пусть бы солнце посветило,
О матушка-солнце!

Эти песни, живые, неумирающие песни народа, не стали достоянием только фольклорных изданий. Они живы в народе, их поют и доныне, даже больше того, именно ныне, в дни великих испытаний, в дни новой, самой подлой и хищной немецко-фашистской оккупации, в них с особой силой звучит ненависть народа к поработителям и его твердая вера в торжество правды и справедливости.

Сейчас более чем когда-либо окрепло боевое, освященное веками, братское единство литовцев с русским народом, с украинцами, белоруссами и другими народами Советского Союза. Об'единенные в могучий Союз, они несут смерть гитлеризму, несут народам Европы избавление от немецко-фашистской тирании.

И поэтому надо признать вполне своевременным, весьма ценным издание литовских песен.

Ритм литовских дайн тонический, связанный с мелодией; встречаются в дайнах строфы с неодинаковым количеством стоп в строке, рифмы преимущественно женские, но часто рифма отсутствует вовсе. Язык дайн изобилует ласкательными и уменьшительными слова-

ми: «паренек», «паренечек», «сестрица», очень часто при обращении к девушке к слову «сестрица» прибавляется название любимого цветка, например «лилии», и прочее. Часты также обращения к образам природы, к солнцу, которое для литовцев является символом материнского начала, любви и заботы, — отсюда и характерное обращение «солнышко-матушка».

Переводы С. Мар при большой текстологической близости хорошо передают поэтическое и лирическое звучание литовских дайн.

Юозас Жюгжда

БОРОДАТЫЕ ЗЛОДЕИ

— Пой, пой, сестрица,
Что приумолкла,
Что пригорюнилась
Ты в светлице?

— Как буду петь я?
Как веселиться?
Растоптан сад мой,
Растоптан садик.

Сорвали розы,
Сломали руту,
Тюльпаны смяли,
Росинки стерли.

Пронесся ль ветер,
Шумели ль волны,
Иль то Перкунас[1]
И стрелы молний?

[1] Перкунас — бог грома и молнии.

Нет, то не ветер,
Не в бурю волны,
И не Перкунас,
Не стрелы молний.

То бородатые
Лихие люди.
Сошли на берег,
Ворвались в садик.

Сорвали розы,
Сломали руту,
Тюльпаны смяли,
Росинки стерли.

А и сама я
Чуть уцелела
В венке из руты,
От горя темном.

ЧОРТ ПРОКЛЯТЫЙ

Хороводная

Прыгал чорт проклятый,
Враг Литвы заклятый!
Хищный ястреб-чорт из Риги,
Немчура скакал и прыгал,
Гоп, гоп! Хо, хо!
Кунгай, балабай [1],
Ворог лихой!

[1] Кунгай, балабай и другие непонятные слова припева этой песни пародируют немецкую речь.

Мы того злодея
Плеткою огреем,
Оглушим дубиной
И смешаем с глиной!
Гоп, гоп! Хо, хо!
Кунгай, балабай
Джюнгеса! Гофернеса!
Минджюра, гога, —
И смешаем с глиной!

НА ВОЙНЕ С КРЕСТОНОСЦАМИ Я НЕ ПОГИБНУ

«Братец, вставай, вставай, милый братец,
Время седлать гнедого!»
«Встану, коня оседлаю скорее,
Выеду на заре я!»

Как уезжал он, поле пылило.
Жалко родителям было.
«Слезы напрасно льете, родные,
В битве я не погибну!

И крестоносцев я одолею,
Освобожу отчизну».
А поутру, как солнце всходило,
Пуля настигла братца.

«Ой вы, друзья, друзья дорогие,
Весть вы домой снесите,
Весть передайте родителям старым,
Братьям моим, сестрицам!

И передайте девушке милой,
Что я с другой обвенчан,
Что я сосватан с милой другою,
С пулей ружейной злою».

МЫ ПОБЕДИМ

Три раза пели петухи,
Будила сына трижды мать:
«Вставай, сыночек, паренечек,
Не спал ты разве ночью?»

«Дай мне, родимая, свечу,
Лицо водою омочу,
И распрощаюсь я с любимой
И не увижусь больше.

По-новому оденут нас,
Дадут булатные мечи
И одинаково обучат,
Точь-в-точь, как братья, станем.

Утонет Пруссия в крови!
Мы навострим мечи свои!
Не задрожим, не пошатнемся
И победим пруссаков!»

ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ НА ЗАРЕ

Восходит солнце на заре,
И ржут гнедые во дворе:
«Вставай, вставай скорей, сестрица,
Зажги огонь в светлице!»

Когда проваживал коня
И проезжал сквозь зеленя,
То девушку свою увидел
Перед ларцом раскрытым.

«Скажи мне, девушка, одно,
Зачем ты режешь полотно?
Мне не носить рубашек белых,
Я на войну поеду.

А воинам коней дадут,
И седла новые дадут,
Всех одинаково оденут,
Точь-в-точь, как братья, станем.

В долины горы упадут,
И братья кровью истекут,
Но мы не задрожим от страха
И победим пруссаков».

ДВА СЫНКА

Двух сынков растил отец, сыночков юных.
«Вырастут мои сыночки косарями!»

«Милый батюшка, не будем косарями,
Старый батюшка, не будем косарями!

Только будем в грозном войске, грозном войске,
В грозном войске будем ратниками, старый!

Там гнедых коней, гнедых коней получим,
Там получим два седельца, два седельца!»

Как поехали дорогою, дорогой,
Громко трубы медные трубили.

Свищут пули, точно пчелки, точно пчелки,
Как дубы-дубочки воины ложатся.

«Ничего мы не боимся, не боимся,
Сокрушим в бою пруссаков мы, пруссаков!»

ДАЛЬНЯЯ ЧУЖБИНА— ПРУССКАЯ РАВНИНА

Рос у батюшки родного
Лишь один сыночек,
Юный паренечек.
Справил батюшка одежду —
Сшил мундир со строчкой
Всаднику-сыночку.
Справил батюшка и шапку
Всаднику сыночку
С яркой оторочкой.
Вывел и коня гнедого,
Оседлал для спеха,
Чтобы в битву ехать.
Саблю острую купил он,
Наточил острее,
Чтоб рубиться ею.
Как поехал я лугами,
Светлыми лугами,—
Вижу, сено косят.
— Эй, вы, братья молодые,
Всадники лихие,
Сено не косите!
Поезжайте вы со мною
Вместе на чужбину —
Прусскую равнину. —
Как проехал я лесами,
Синими лесами,
Услыхал кукушку.
— Эй, кукушка, горе-птичка,
Птичка-невеличка,
Не кукуй в лесу ты!
Пестрая, лети со мною
Вместе на чужбину —
Прусскую равнину.

А как стану воевать я
На чужой сторонке,
Закукуешь звонко!
Парня юного утешишь
На лихой чужбине,
Прусской той равнине.
А когда вернется всадник
К домику родному,
К батюшке седому,
Ты лети неутомимо
Мимо леса, поля мимо,
К девушке любимой.
Сядешь ты под светлым кровом
В садике вишневом,
Закукуешь снова.

ЗОРЬКА ВСХОДИЛА

Зорька всходила, день занимался,
Брат на войну собирался.
Взнуздан, оседлан конь на поляне,
Слышится звонкое ржанье.

Девушка подле гнедого стояла,
Горькие слезы роняла.
«Слезы не лей ты, девушка, в грусти,
В битву поеду — вернусь я.

А не вернусь я — воином буду,
В Вильнюсе славу добуду!»
Конь прибегает, бьет он копытом,
Братний мундир волочит он.

«Что же один ты вернулся в долину?
Где же ты братца покинул?» —

«В Вильнюсском поле, поле песчаном,
Пал он с кровавою раной.

Солнце всходило, как братца убили,
Солнце зашло, как его схоронили».

ХОЛИЛ ГНЕДОГО

Холил гнедого,
Чтобы гордиться,
Девушку нежил,
Чтобы жениться.

Холил гнедого
За красоту я.
Девушку нежил
За доброту я.

Конь застоялся,
Жалко гнедого.
Девушка любит
Парня другого.

Ржет на конюшне
Конь черногривый,
Плачет-горюет
Парень тоскливо.

Плачет-горюет
В клети высокой,
Меч навострил он
К битве жестокой.

Конь, понапрасну
Ржешь ты так горько,
В путь соберемся
Раннею зорькой.

За морем синим,
За Палангою,
Ждет нас чужбина,
Злая кручина.

Тешить не будешь
Юношу ржаньем,
Голову сложит
Он в краю дальнем.

Голову снимет
Меч ненасытный
Там, на чужбине —
Горькой кручине.

Конь, ты примчишься
В город родимый,
Батюшке скажешь,
Матушке скажешь:

«Сын горемычный
Пал на чужбине,
Дальней чужбине —
Горькой кручине».

Конь, ты примчишься
К девушке милой.
Девушке скажешь,
Той, что любил я:

«Друг горемычный
Пал на чужбине,
Дальней чужбине —
Горькой кручине».

64765
681678
Российская государственная детская библиотека
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ГИЗА
23389

ТО НЕ КУКУШКА

То не кукушка в темной лощине
Ночью и днем кукует в ольшине —
Плачет сестрица в тяжкой кручине,
Горькие слезы льет на чужбине.

Рыжебородые прискакали,
Быстрые кони девушку мчали,
За море синее угоняли,
Лесом зеленым в темные дали.

Замки высоки, стены суровы,
Медь на воротах, медные скрепы.
Вместо привета — злобная ругань.
Вместо подарка — тяжкие цепи.

Братцев просила: «Не забывайте
Ратных мечей вы острых, блестящих
И прорубите в чаще дорожку,
Ветви густые вырежьте в чаще.

Медные скрепы вы разомкните,
Цепи сорвите с тонких запястий,
В землю отцовскую воротите,
Чтобы вернулось прежнее счастье.

Видно, меня уже братья забыли:
В чаще дорожки не прорубили,
Не подрубили веток ольшины,
С горя погибну я на чужбине.

ДНИ ГОРЕМЫЧНЫЕ НАУЧИЛИ

Рутой у матушки вырастала,
Терном у лютой свекрови стала.
Все посылала свекровь: «Принеси мне
Летнего снега, травушки зимней»,

Шла я по горке,
Плакала горько
И повстречала
Братца родного, стража лесного.

«Здравствуй, моя родная сестрица,
В горенке что тебе не сидится?» —
«Все посылала свекровь: «Принеси мне
Летнего снега, травушки зимней».

«Солнечным берегом, да по взгорью
И принесешь сквозь вешние ливны
Выйдешь, сестрица, к синему взморью,
Пены морской себе насбираешь,
Веток сосновых ты наломаешь
Летнего снега, травушки зимней».

«Что-то с тобой, невестушка, сталось?
Мудрости этой где ты набралась?» —
«Дни горемычные научили,
Речи суровые вразумили».

БРАТЬЯ ТРАВУ КОСИЛИ

Далеко, эй, далеко очень
Траву косили братья с ночи.
Как пятеро траву косило,
Сестрица завтрак им носила.

Несла его одной рукою,
Скатерку пеструю другою.
Скакали трое по поляне —
Бояре, прусские дворяне.

Один из ручки завтрак вырвал,
Другой скатерку грубо вырвал,
А третий перстенечек тонкий
Стянул у девушки с ручонки.

ОТ НЕПОСИЛЬНОЙ РАБОТЫ

На заре лесной тропою
Вел гнедых я к водопою,
И подковку золотую
Утопили кони.

«Лилия моя сестрица,
Утром по воду пойди ты,
И подковку золотую
В речке отыщи ты».

«Паренечек, всадник храбрый,
Ты какой тропинкой ехал?
Коль одна ведет на речку,
К девушке — другая».

«Лилия моя сестрица,
Отчего жила так бедно?
Отчего росой обрызган
Рутовый веночек?
Отчего на ручке белой
Перстенек ржавеет?»

«От холодных дней дождливых
Мой венок темнеет,
От работы непосильной
Перстенек ржавеет».

ГОРЕМЫЧНЫ МОИ ДЕНЕЧКИ

Бродил по бору,
Рубил деревья
В лесной глуши привольной.
Срубил в ту пору
Челнок я черный,
Челнок восьмиугольный.

В углах по липе
Зеленолистой —
Они с восемью ветвями.
На каждой ветке
По вольной птице
С лесными голосами.

«Эй, братец, братец,
Куда направишь
Челнок с волной весенней?
К именью рядом,
К селу большому
Иль к малому селенью?»

«В селеньи малом
Малы девицы,
Зато любовь большая.
Когда желанной
Я не добуду,
Так подрастет другая.

А не добуду
Другую снова,
Возьму рыбачку в жены.
Моя рыбачка,
Хоть черноброва,
Но трех работ не знает:

Ни прясть прилежно,
Ни ткать полотна,
Ни заправлять станочка.
В челне с зарею
Все руки моет
Рыбачка-белоручка».

«В челне с зарею,
Тяну я невод
И в море руки мою.
Как пена в море,
Белеют руки
Под голубой водою.

Ой, горемычны
Мои денечки,
А будут горше втрое.
И горе с горем,
Беду с бедою
Судит рыбачке море!»

ЖДЕТ ГОРЕМЫЧНЫХ НАС ГОРЕ-БЕДА

Молотильная

Парни, вставайте, уже рассвело,
Время зерно молотить.
Криком петух пробуждает село,
Время скотину кормить.

Наши соседи проворнее нас,
Слышишь, молотят они уже с час:
Клип-клап! клип-клап! клип-клап!

Исстари труд наш людьми был почтен,
Был земледельцем Адам,
Нашим создателем избран был он
Землю возделывать сам,
Пусть горожане смеются, что в том?
Сами живут они нашим трудом!
Клип-клап! клип-клап! клип-клап!

Даже скотина знакома с трудом,
Даром не кормят ее.
И горожане, и мы пропадем,
Коль не смолотим жнивье.
Нам ни к чему горожан похвальба,
Знают они, что нужна молотьба.
Клип-клап! клип-клап! клип-клап!

Но припеваючи амстрат[1] живет,
Хоть и не сеет, не жнет,
Лишь выжимает из бурасов[2] пот,
Деньги лопатой гребет.
Так поступает и вахмистр всегда.
Ждет горемычных нас горе-беда.
Клип-клап! клип-клап! клип-клап!

ДЕВУШКА У ЖЕРНОВА

Шуми, мой жернов,
Вертись скорее,
Как будто не одна я.

Одна молола,
Одна я пела
И жернова вертела.

Что упрекаешь,
Дружок любимый,
Злосчастную подружку?

Не знаешь разве,
Дружочек милый,
Что дома не сидела,

[1] Амстрат — немецкий чиновник.
[2] Бурас — литовский крестьянин в Малой Литве.

Что по колени
В грязи стояла,
По самы плечи
В воде трудилась
В те горькие денечки!

РЕКРУТЫ

Сговорились наши паны
С шалтышами[1] тайно,
Братьев взяли, повязали
И на пункт послали.

И погнали горемычных
Прямо в город Тильже,
Город вымощен костями
И залит слезами.

Выстроили горемычных
Ровными рядами.
Дали новые одежды,
Отняли надежды.

А потом в Гумбине-город
Рекрутов погнали,
Запыленных, утомленных
В полк немецкий сдали.

Немцы злюки, как гадюки,
Вкруг парнишек вьются,
Капитаны-обезьяны
Смотрят и смеются.

[1] Шалтышюс — сельский староста.

Подобру да поздорову
Унесли бы ноги,
Да не вырваться из плена, —
Не найти дороги.

Платье выдали плохое,
Терпим холод тяжкий,
Хлеба фунт, да суп с крупою, —
Терпим голод тяжкий.

Истерзали нас муштрою,
Изломали кости,
Били до смерти порою
С беспощадной злостью.

Трудно камушку литому
Плыть по синю морю.
Трудно парню молодому
Уходить в неволю.

Не слыхать зимой кукушки
Ни в лесу, ни в поле,
И не вырваться несчастным
Из тюрьмы-неволи.

Закукует вновь кукушка
Средь лесных кусточков, —
Видно, батюшка родимый
Выручит сыночков.

Да она откуковала
Средь лесных кусточков, —
Но не выручил родимый
Из беды сыночков.

Солнце-матушка, из бора
Ворона пошли нам.
Эй, ты, ворон, черный ворон,
Братцем будь любимым.

Кости белые снеси ты
Батюшке родному,
Старой матушке снеси ты
Каплю алой крови.

«Не печалься понапрасну,
Мой седоголовый,
Не горюет твой сыночек,
Разорвал оковы.

Молодым твоим сыночкам
Головы срубили,
И лежат твои сыночки
Во сырой могиле».

НЕПРОШЕННЫЕ ГОСТИ

Зачастили на Литву непрошенные гости,
Нас они поработили, бесятся со злости.
Наказаньями стращают, издают приказы,
Требуют, чтоб их веленья исполнялись сразу!

Новый день в Литву приходит темный, невеселый,
Немцы всех поперепишут, как приедут в села.
Записи свои попрячут, уезжая снова,
И за громкий лай ругают пса сторожевого.

Разговор их непонятен, так они гнусавы.
Даже за собак штрафуют нас пруссаки, право!
Торговать на рынке трудно мирному народу:
Подойдут и оштрафуют два рыжебородых!

Наших денег не меняют, подавай им марки,
И на конских дугах нагло пишут без помарки,
Что хозяевами стали над хозяйством нашим.
И жандарм снует повсюду,—точно чорт, он страшен!

Сто яиц глотают сразу, чтоб им подавиться!
Все колодцы позабили, чтоб не оступиться!
И дома сравнять с землею нам прикажут скоро,
Рой глубокие канавы да снимай заборы!

Преграждать литовцам стали по ночам дорогу,
Остановят, оштрафуют, обругают строго!
Угоняют наших братьев силой на чужбину,
Там работать заставляют, проклинать судьбину.

Истину вам говорю я, терпим мы безвинно,
Подметают наши братья улицы Берлина.
Под пруссацкою пятою тяжко нам живется,
По полфунта только хлеба на день достается.

ОЙ ТЫ, ЛИТВА!

Ой ты, Литва, Литва, проглядела,
Солнышко в небе кровью алело.
Ой ли-ля, ли-ля, ой ли-ля, ли-ля!
Солнышко в небе кровью алело.

Солнышко в небе кровью алело.
Войско пруссацкое налетело.
Ой ли-ля, ли-ля, ой ли-ля, ли-ля!
Войско пруссацкое налетело.

Войско пруссацкое налетело,
Люди рыдали, сердце болело.
Ой ли-ля, ли-ля, ой ли-ля, ли-ля!
Люди рыдали, сердце болело.

Пушки палили, в зареве села.
Наземь упали башни костела.
Ой ли-ля, ли-ля, ой ли-ля, ли-ля!
Наземь упали башни костела.

От грабежей, пруссацких насилий
Ноги едва лишь мы уносили.
Ой ли-ля, ли-ля, ой ли-ля, ли-ля!
Ноги едва лишь мы уносили.

Тяжко бездомным: плачут, рыдают,
С голода мрут и беды считают.
Ой ли-ля, ли-ля, ой ли-ля, ли-ля!
С голода мрут и беды считают.

Старые плачут долгие ночки,
Бьют между тем пруссаков сыночки.
Ой ли-ля, ли-ля, ой ли-ля, ли-ля!
Бьют между тем пруссаков сыночки.

Ой ты, Литва, Литва, проглядела,
Солнышко в небе кровью алело.
Ой ли-ля, ли-ля, ой ли-ля, ли-ля!
Солнышко в небе кровью алело.

ПЛАЧЕТ ЛИТВА

На Литве и плач и стоны
От пруссацкого полона.
Рыщут вороги волками,
Нашу кровь сосут веками.

Верно, мы гневили бога,
Что обрек нас каре строгой,
Осудил на злую долю
И пруссакам дал в неволю.

И родной Литвой злодеи,
Как своей землей, владеют,
Под пруссацкою пятою
Мы спознались с нищетою.

Заедаем воду коркой,
Дни и ночи плачем горько.
Где ж конец резне жестокой?
Или нам страдать без срока?

БРАТЬЯ-ЛИТОВЦЫ

Братья-литовцы, сжальтесь над нами,
Угнетены мы злыми врагами.
Нашей Литвой пруссаки-злодеи,
Точно своею землею, владеют.

Мачехой стало нам это лето.
Горькие дни влачим без просвета.
Пушки гремят в пылающих селах,
Колокола замолкли в костелах.

Колокол смолк, не слышно органа,
Люди сходились поутру рано,
В темном костеле к богу взывали
И что за день сегодня — не знали.

Молча прохожие шли на работу,
Одолевая скорбь и дремоту.
Зарево небо вдруг озарило,
Головы мы опустили уныло.

Воздух дрожал от гула орудий,
И трепетали в ужасе люди.
Только оставили город казаки,
Нас окружили тотчас пруссаки.

Взводы солдат на улицах гулких,
Лошади в хатах и в переулках,
Сено и хлеб солдаты забрали,
Нивы и пашни позатоптали.

Грабить по хатам двинулись вскоре,
Плачут детишки, матери в горе.
Стонут детишки: батюшка милый!
Батюшку пуля немца скосила.

Хлынули к Двинску бурным потоком,
Грязь намесили в поле широком.
Русское войско путь преградило,
Поле для немцев стало могилой.

Только вернулись в город пруссаки —
Все растащили, точно собаки.
Хлеб и пшеницу, сено и сало —
Грабили все они, что ни попало.

Брали и курицу, и поросенка,
Нам оставалась лишь коровенка.
Холод пришел, и кровь стынет в жилах,
Дров заготовить были не в силах.

Бедствия наши неисчислимы:
Даже коней угнали любимых!
Нищими стали, с горем спознались,
Больше досыта не наедались.

Быстрые годы, вы улетели,
Кони скакали, сбруи звенели.
Черную шубу, платье шелково
Не увидать на родине снова!

Кто говорит, что в небе нет бога?
Мяса и масла ели мы много,—
Нынче настали такие денечки,
Что собираем хлеба кусочки.

Это не ложь, а правда святая,
Кончилась наша песня простая.

ТЫ, ЛИТВА РОДНАЯ

Родимая сторонка,
Развеяна ты в прах.
Что, братец, что, сестренка,
Горюете в слезах?

О чем грустите ныне?
Жалеете ль страну,
Иль братьев, на чужбине
Томящихся в плену?

От родины далеко
Пруссак терзает их.
И льется кровь потоком
Среди полей чужих.

Тучнеют пóтом нашим
Пруссаки-солдатня,
Для них мы жнем и пашем,
Не видим света дня.

Тоскуют на чужбине
Литовцы в кандалах,
А мы о них тоскуем,
Проводим дни в слезах.

С морской волной далеко
За счастьем поплывем.
Пруссацкого полона
Не выдержим — умрем.

Безрадостное время —
Года кромешной тьмы,
И гибнут наши братья,
И родина, и мы.

ПО ГОРКЕ, ПО ВЫСОКОЙ ГОРКЕ

По горке, по высокой горке
Все воины гуляли,
Все воины гуляли
И пушки заряжали.

А по саду, большому саду
Все девушка гуляла,
Все девушка гуляла,
На воинов глядела.

«Ой, матушка, голубушка,
Ой, матушка родная,
Отдай меня, девицу,
За воина литовца».

«Ой, доченька, голубушка,
Ой, дочка молодая,
А что тебе по сердцу
В том воине литовском?»

«Высоконькая шапочка,
На шапочке той перья,
Сапоженьки цветные,
А шпоры золотые!»

«Ой, доченька, голубушка,
Ой, дочка молодая,
А где ты заночуешь,
А где себе постелешь?»

«На горке, рядом с пушками,
На горке заночую,
Там ночку проведу я,
Постельку постелю я».

«Ой, доченька, голубушка,
Ой, дочка молодая,
А что себе постелешь?
Чем прикрываться станешь?»

«Ой, матушка, голубушка,
Ой, матушка родная,
Росинки постелю я,
Ночною мглой укроюсь».

СОЛНЫШКО, К НАМ!

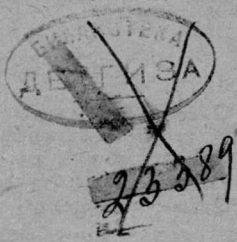
О солнышко-матушка, с нами будь, с нами!
О тученька-батюшка, будь с пруссаками!
Горы прусские, как пламя,
Наши — плещутся волнами,
О матушка-солнце!

О солнышко-матушка, сжалься над нами,
О тученька-батюшка, будь с пруссаками,
Нивы прусские, как пламя,
Наши — плещутся волнами,
О матушка-солнце!

Посылайте, ветры, на Пруссию тучи!
Проливайтесь, тучи, дождиком могучим!
Непогода нам постыла,
Пусть бы солнце посветило,
О матушка-солнце!

Налетели тучи на Пруссию стаей.
А над нами солнышко занялось, блистая,
Нашу землю обогрело,
Горемычных пожалело,
О матушка-солнце!

Высыхают лужи на нивах, на нивах,
Обсыхают листья на ивах, на ивах,
Солнце землю обогрело,
Горемычных пожалело,
О матушка-солнце!



ОГЛАВЛЕНИЕ

Юозас Жюгжда. Немец-захватчик в литовских дайнах 3
Бородатые злодеи 9
Чорт проклятый 10
На войне с крестоносцами я не погибну 11
Мы победим 12
Восходит солнце на заре 12
Два сынка 13
Дальняя чужбина — прусская равнина 14
Зорька всходила 15
Холил гнедого 16
То не кукушка 18
Дни горемычные научили 18
Братья траву косили 19
От непосильной работы 20
Горемычны мои денечки 20
Ждет горемычных нас горе-беда . . 22
Девушка у жернова 23
Рекруты 24
Непрошенные гости 26
Ой ты, Литва! 27
Плачет Литва 28
Братья-литовцы 29
Ты, Литва родная 31
По горке, по высокой горке . . . 32
Солнышко, к нам! 33

Редактор *С. Хитарова*

Подписано к печати 29/XII 1943 г.
А—2675. 1⅛ печ. л. Тираж 10 000.
Зак. 188. Цена 1 р.

2-я тип. изд-ва «Московский большевик»,
Москва, Петровка, 17.

1 р.
200=
8СФ
Д148